

Crème de la Crème



Марсель Жуандо

ПОХВАЛА СЛАДОСТРАСТИЮ

*Перевод
Татьяны Источниковой*



Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 ФР



Marcel Jouhandeau

Éloge de la volupté

Редактор: Дмитрий Волчек

Обложка: Светлана Кошка

Верстка: Сергей Фёдоров

Руководство изданием: Дмитрий Боченков

*В оформлении обложки использован рисунок
Жана Кокто*

© Librairie Gallimard, 1951

© Kolonna Publications, 2014

ISBN 978-5-98144-187-5

СОДЕРЖАНИЕ

Рассуждение о природе удовольствия, 7	5
Страсть и удовольствие, 19	
Что есть удовольствие? 23	
Невинность удовольствия, 30	
Что для меня нагота, 36	
Красота и удовольствие, 41	
Удовольствие и священнодействие, 43	
Эротические сны, 47	
Удовольствие и грех, 53	
Удовольствие, добродетель и порок, 61	
Воспоминания детства и юности, 71	
Удовольствие и доброта, 80	
Удовольствие и возраст, 83	

РАССУЖДЕНИЯ О ПРИРОДЕ УДОВОЛЬСТВИЯ

Порой, когда мне всего недостает и одновременно всё мне докучает, я думаю: только она одна никогда меня не обманывала, только она исполняла все свои обещания и даже многое сверх обещанного. Сколькими желаниями, мечтами, достижениями я ей обязан – абсолютно реальными, ощутимыми! Да, только с ней я познал ничем не ограниченное ощущение полноты; и если мне было позволено порой возносить ее превыше ее самой и добиваться от нее большего, чем я был вправе ожидать, если благодаря ей мне удавалось превзойти самого себя и пересечь самые границы нашего естества и нашей природы, – сколь великую славу я стяжал для себя и сколь безмерной должна быть моя благодарность тебе, Сладострастие, – моя единственная госпожа!

Сладострастие не каждому доступно, не для каждого достижимо. Те, кто дурно говорят о нем, его не знают. Оно для них запрещено. Ему присущ собственный язык. Его нельзя выучить, и он непереволим.

Мало что значит красота, если она холодна и бесчувственна. «Смятение» – вот что мы надеемся испытать от встречи с ней, и вызвать в ней ответное чувство.

Некоторые виды сладострастия способны преобразовать тело в священный храм.

Если я когда-нибудь откажусь от сладострастия, я сделаю это лишь из почтения к нему, из страха его обесчестить, – когда я уже не смогу внушать к себе ничего, кроме ужаса и отвращения.

Но я не отрекнусь от него.

Некоторые люди упиваются собой – словно задергивают занавеску, чтобы не видеть, что происходит снаружи. Какое убожество!

Наслаждение для взора – жить в привычном окружении прекрасных образов, которые он соединяет и разъединяет по своей воле, в ожидании случайной встречи, которая промелькнет словно искра, надолго оставив его в экстазе.

Речь не о том, чтобы самоутвердиться в диалоге тел, который никогда не соответствует нашим ожиданиям, но о том, чтобы не лишать сладострастие уважения, напротив, приумножить его очарование, притягательность,

достоинство в глазах своего партнера, чаще всего незнакомца.

Половые органы подобны ранам, чьи пере-
межающиеся излияния обрекают мужчину
и женщину на нежнейшую пытку.

Порой плотские сражения подчиняют себе
душу; по крайней мере, заставляют ее испы- 9
тывать странное наслаждение. Спрашиваешь
себя, что же она на самом деле представляет
собой в такие моменты. Без сомнения, притво-
рившись, что ушла, она тайком возвращается.

Превысив некую степень, сладострастие пре-
вращается в палача, сдирающего с вас кожу
заживо. И вот вы вынуждены притворяться
в гуще людей, которые лишь по блеску ваших
глаз догадываются о том жестоком мучении,
что вы претерпели.

Может быть, некие сладострастные склон-
ности, именно потому, что они невыноси-
мы для рассудка и несовместимы с внешним
достоинством, соблазняют душу – доходя
до абсурда в своем беззаконии, они создают
атмосферу безумия, иными словами, невин-
ности.

Сладострастие, не выходящее за определенные
границы, сходно с умственным расстройством,
которое переживаешь, не чувствуя себя отвер-

женным, поскольку единственный его свидетель является одновременно и сообщником.

10 В какие только глубины не спустишься, чтобы использовать те возможности, которые красота предоставляет удовольствию! но это всего лишь обман зрения: бездны – не что иное, как возвышенное, увиденное снизу, а возвышенное – те же бездны, увиденные сверху. Все проходят этими путями, или должны ими пройти, чтобы узнать себя.

На самом деле, элегантность или неловкость, грубость или деликатность, едва уловимые в некоторых сделанных вскользь жестах, истинный смысл которых остается непонятным, скрывая то, что могло бы в них быть недостойного, – характеризуют нас лучше всего.

Зачастую легче всего забываешь лицо незнакомца, который заставил тебя испытать незабываемое наслаждение.

Конечно, сладострастие обходится без лиц и без личностей. Дружба и любовь – наоборот. Сладострастие – это неважно кто. Дружба и любовь – всегда кто-то.

Есть ли для меня форма отношений наиболее незаинтересованная, наиболее равнодушная к признательности, к верности? Из этих воспоминаний, не сохранивших ни лиц, ни тел,

я творю священные реликвии – и преклоняюсь перед ними с тем большим рвением, что отныне ничто не сможет помешать мне думать, будто я прожил свою жизнь напрасно.

Нет более черной неблагодарности, чем дурно отзываться об удовольствии после того, как его получишь, – если получишь его не в полной мере. В таких случаях надо винить себя.

II

Х.: – С кем попало всегда одно и то же. Всё дело в вас самих. От другого требуется только одно – дать себя сожрать.

На самом деле я смотрю не на Поля и не на Пьера, стоящих передо мной обнаженными, а на Эндимиона, чей облик на мгновение мелькает передо мной на залитой лунным светом поляне, где эти два посредника находятся лишь по доверенности, и когда я касаюсь призрака, их тела становятся живым воплощением его незримого Присутствия.

Нет ничего более волнующего, чем анонимность, когда тела свободно простираются рядом, нежно касаясь и изучая друг друга.

Для меня зачастую нет разницы между людьми и деревьями. Нежнее, чем к фруктам, свисающим с ветвей, я отношусь лишь к тем, что раскачиваются над моим Желанием.

Деревья, должно быть, обладают способностью, даже не видя своих собратьев (в том смысле, что означает «видеть» для нас), – чувствовать их присутствие или, по крайней мере, догадываться о нем, в своей особой манере, которая, возможно, столь же явственна и нежна, как если бы они их касались. Мне часто кажется, что я обладаю такой же способностью.

12

Порой, когда я касаюсь себя, у меня возникает ощущение, что я одновременно касаюсь всех остальных существ – словно бы мое удовольствие распространяется на всех представителей моего вида. Глядя чей-то незнакомый бок и одновременно всех животных мира, я чувствую себя благодетелем.

То, что отделяет мои губы от всех остальных, – это всего лишь упущенная возможность.

Какой пантеон – собрание воспоминаний о тех утонченных удовольствиях, что всегда вызывают во мне только одно чувство, позволяющее их распознать, – особую дрожь, которую невозможно спутать ни с какой другой.

Нет ничего более редкого и драгоценного, чем эта наука удовольствия; только музыка с ней отчасти схожа. Ей нельзя ни научиться, ни научить. Это врожденное искусство, интуиция и такт. Его постигаешь сразу или никогда: это изначальный союз между лютней и рукой, перебирающей ее струны.

Даже если подобное волнение довелось испытать один-единственный раз, больше никогда не обманешься относительно качества удовольствия. В случае, если оно окажется сомнительным, то приведет к меланхолии и заставит его избегать – как мы избегаем всего, что приобщило нас к божественному и совершенному, когда мы обладали им, но только однажды.

13

Удовольствие неведомо почти никому на свете из-за отсутствия легкости, той «легкой руки», что не исключает серьезности, но предполагает изящество. Речь идет о том, чтобы не отягощать себя, чтобы парить, не теряя при этом веса, как балетный танцор или лунатик.

Человеку заурядному, остающемуся конформистом даже в пороке, ни в коем случае не стоит следовать нашими путями, где постоянно требуется воссоздавать и изобретать всё заново.

Если ты смеешься над твоим удовольствием, значит, оно больше не имеет ничего общего с моим – столь важным, столь серьезным для меня.

Не смея протянуть руку к единственному плоду, который меня соблазняет, я удовлетворюсь любым другим.

Ничто не исцелит меня от моих желаний, кроме возможности их удовлетворить.

И только самые простые из них никогда меня не разочаровывали.

Вечная ошибка – просить у жизни чего-то иного, кроме того, что она может дать: удовольствия от ощущений или от созерцания; загадки тела и души – единственное, что достойно нас занимать, нас удерживать. Всё остальное – обман.

14

Триумф души – когда порой тяжелые тучи, омрачающие ваше чело, опускаются ниже, и гроза начинает бушевать под сердцем. Прислушиваешься к этому отдаленному рокотанию где-то в глубинах тела, в то время как взгляд проясняется, озаренный вечным жарким светом солнца.

Разумеется, есть те, для кого плоть – не более чем плоть; но когда она увлекает за собой весь механизм физического тела, когда она пробуждает в крови все древние мифы...

Для одних любовь – нечто вроде ежедневного триумфа, естественного, персонального, который произрастает из них, подобно прекрасной и священной лилии. Для других, напротив, это тяжкий повседневный труд, величайшая сложность, которую столь нелегко выносить, что они предпочитают отказаться от нее. Успех, достигнутый ценой слишком больших усилий, соседствует с отвращением.

Нельзя мерить всех людей общей мерой, когда речь идет об удовольствии. Одни совершенно безболезненно от него отказываются, они не созданы для него, удовольствие – это не их дело.

Мы и сами тоже отличаемся от самих себя. – «Не слишком гордись своим сегодняшним целомудрием. Это лишь потому, что вчера его у тебя не было».

15

Наслаждение никак не связано ни с возрастом, ни с красотой. Ты либо способен к нему, либо нет; ты более или менее к нему склонен. Подобная склонность делает для нас неважным или даже заставляет забыть предназначение любого органа ради восхваления его самодостаточного великолепия.

Удовольствие порой обладает собственным величием: когда ты готов смириться со всем остальным при одной только мысли о том, что оно существует, что оно вообще возможно.

Оттого, что я люблю X., и ради того, чтобы ему было позволено существовать в этом мире, я готов принимать этот мир таким как есть. То же самое можно сказать и об удовольствии.

Оттого, что я люблю X., и ради того, чтобы подтвердить его присутствие в этом мире, доказать, что он действительно есть, мне нужно только, чтобы мир продолжал существовать –

почти таким же, и тогда я согласен принять все остальное.

16 Совершая утренний туалет на следующий день после особых празднеств, чувствуешь, как рука невольно задерживается на лбу, на губах, на кисти другой руки, словно ощупывая их впервые. Едва осмеливаешься пошевелиться, коснуться себя – из страха потревожить те следы, которые усеивают наши тела и украшают наши потайные места.

Наслаждение превращает наше тело в некое подобие блистательного мавзолея, чье величие можем созерцать только мы одни, – но гораздо более дорогое, поскольку оплачено всеобщим презрением.

Стыд зачастую является выкупом, уплаченным за особого рода тайные удовольствия, которые во сто крат приятнее, чем признательность, и столь же редки.

Чтобы достойно говорить о плоти, стоило бы создать новый язык, который с помощью аллюзий указывал бы на всё то, что невозможно назвать, не краснея, – может быть, потому, что слова из обычного словаря часто усваиваются и используются без должного почтения.

Чтобы не предавать некоторых невыразимых воспоминаний, не стоит сожалеть о том,

что они окружены молчанием; но что не позволяет нам молчать – из стыда или их страха их опошлить – так это сознание того, что многие наши опыты могут оказаться весьма приятны и полезны для кого-то другого.

Иногда встречаешь людей, которые предаются удовольствию с тем же болезненным упоением, как другие – своему позору и бесчестью; это порождение нечистой совести, нечто вроде ошибки в расчетах, которую священники, философы и моралисты используют, чтобы еще усугубить людские страдания.

17

Позволяя себе некоторые поступки на грани допустимого законом, я насыщаю не столько свои чувства, сколько свое воображение.

Большая ошибка, которая может быть оправдана разве что нехваткой времени, – переходить в любви сразу к главному, тогда как важнее всего второстепенное.

В наслаждении главное – не само наслаждение, а случай, который оно мне предоставляет: уловить нечто необычное в собственных движениях или в лице того, кто разделяет со мной удовольствие, – свидетельство некоего мимолетного безумия, которое свидетельствует о божественном присутствии между нами.

Воспоминание об удовольствии – это убежище, нечто вроде тайного Олимпа, собственно и неотчуждаемого, где Небо и Земля сливаются в радостном объятии. Что с того, если наслаждение не длится вечно? Мне достаточно, что довелось его узнать.

18

Вот только нужно ли, стоит ли начинать все сначала? В некоторых встречах важнее всего их непредвиденность. Есть риск разрушить драгоценное воспоминание, хрупкое, как все истинные шедевры, которое лучше не пытаться подновить.

Всякий раз, когда ты пробуждаешь воспоминание об удовольствии, тем более о каком-то особенном (словно некое божество однажды осенило тебя своим присутствием), – оно продолжается в бесконечности. Воображение вышивает по этой неизменной канве, чувствительность оживляет повторяющиеся узоры, преобразуя их, но не искажая – подобно тому как музыка зачастую является лишь последовательностью вариаций на одну и ту же тему.

И вот – готово. Не отказываясь от новых встреч с X., я разрушаю – да что там, отменяю то волшебство, под сенью которого проходили наши последние свидания.

СТРАСТЬ И УДОВОЛЬСТВИЕ

Из-за той доли неизменности, которую она в себя включает, которая ее ограничивает, – страсть менее способна обогатить душу, тогда как новизна сладострастия никогда не иссякает. 19

Ты кладешь огромный, как сноп, букет цветов мне на колени, перед тем как небесным сводом раскинуться надо мной. Букет такой тяжелый, а цветочный аромат такой дурманящий, что я невольно застываю в неподвижности. Если я открою глаза, то не смогу увидеть ничего, кроме тебя – моей темницы, которую твоя ревность считает слишком просторной, а мое желание – слишком тесной.

Невозможно заполучить никого и ничего в полное обладание, если не проявлять терпения всякий раз, когда наконец-то происходит чудо. Любовь – всего лишь наиболее яркая форма такого рода завоеваний.

Где найти «Объект», который отделит меня от всего и от самого себя? Когда уже познаешь

высоты, на которые тебя возносит страсть, начинаешь сожалеть о чистоте.

20 *L. T.:* – Моя слабость или моя сила всякий раз постепенно отдаляют меня от всех, к кому я приближаюсь? Ты, ненадолго ослепивший меня, вряд ли сможешь меня удержать. Если бы я любил удовольствие, то самое лучшее, что я мог бы сделать, – это отказаться от страсти, которая означает смерть для удовольствия.

Верность хороша лишь тогда, когда она желанна.

Как можно обманывать того, кого любишь? К тому, кого я люблю, я едва осмеливаюсь прикоснуться. Моя любовь к нему отделяет меня даже от него, не говоря уже о других.

Я вдруг почувствовал себя одиноким как никогда: это было в тот момент, когда Х. во мне перевернулся, как в камне, по которому изо всех сил ударили резцом.

Самый волнующий, таинственный период – тот, что предшествует страсти, когда еще не знаешь того, кого любишь, и не знаешь даже, любишь ли его.

Любить – означает всё уничтожить и уничтожиться самому перед кем-то другим. Такой

род культа больше всего похож на религию, и лишь сам объект поклонения его недостоин.

Единственное извинение для страсти заключается в том, что она отбрасывает нас за пределы нас самих и за все остальные пределы, где нет больше ни добра, ни зла, ни страдания, ни удовольствия.

21

Что мне до самых красивых пейзажей и самых прекрасных лиц, когда только один образ приковывает к себе мой взгляд?

Вполне может случиться так, что вы будете не в силах долго выносить присутствие того, кого любите, – именно потому, что любите его, любите слишком сильно, и этот избыток страсти заставляет вас страдать. Чуть больше эмоций, чуть больше смятения – и наша чувствительность, обессиленная, просит пощады. Приближение к высшему Благу, к Сакральному, вызывает трепет всего нашего существа; восхищение, почтение превосходят все мыслимые пределы и сопровождаются таким ужасом, что начинаешь сомневаться – смогут ли они возобладать над ним. Чувствуя, как вас поминутно бросает то в жар, то в холод, вскоре вы уже не можете выносить этих крайностей, которые претерпеваете от одного только вида любимого существа. Внезапный яркий свет сменяется непроницаемой тьмой, и так до бесконечности – один его взгляд мо-

жет сотворить подобное чудо, оживить любые миражи. Из-за невозможности уловить момент перехода от наивысшего восторга к полному отчаянию, сменяющим друг друга с головокружительной быстротой, начинает казаться, что впадаешь в безразличие – наиболее невыносимое для влюбленных состояние. Говоришь – и уже не слышишь ни своих, ни чужих слов, одно лишь оглушительное безмолвие, которое приходит вслед за ощущением полной пустоты. Затем оцепенение сменяется тревогой. Невозможно вздохнуть. Волей-неволей предпочтешь отдалиться от «Объекта», который, будучи где-то еще, дает вам силы жить – но, оказавшись рядом, живой и осязаемый, вас убивает.

Я узнаю Страсть по запрету, который она налагает на Удовольствие.

ЧТО ЕСТЬ УДОВОЛЬСТВИЕ?

Стоит только задаться вопросом, что лежит в основе удовольствия, – и сразу же выясняется, что, кроме удовольствия как такового, ничего нет. 23

Сведенное лишь к самому себе, оно – ничто?

Нет ничего нежнее той невесомой призрачной ауры, которая исходит порой от нашей плоти, когда мы ищем наслаждения. Эта загадочная, таинственная субстанция слепа и глуха, но наиболее чутка: ее суть – всё, что есть животного в нашем желании, всё, что возбуждает нас с первозданной остротой, – и, не обманываясь никакими внешними образами, она безошибочно ведет нас к цели.

Если к буйству чувств примешивается хоть малейшая сентиментальность, хоть что-то похожее на чисто человеческое расположение, хоть какие-то знаки внимания – всё пропало. Ничто не улетучивается быстрее. Итак, необходимо создать *tabula rasa*, чтобы не осталось ничего, кроме двух тел, в равной мере отде-

ленных от всего на свете, кроме неистового стремления к удовольствию, каждое к своему собственному, как если бы оно было одно. Только тогда их союз будет подобен соединению двух божеств.

24 В удовольствии никогда нельзя говорить о своих ощущениях тому, с кем его разделяешь, потому что самое главное здесь невыразимо, непередаваемо от одного к другому; и всякий раз, когда об удовольствии забываешь хоть на минуту ради того, чтобы уделить внимание партнеру, – это не только бесполезно для обоих, это еще и губительно для удовольствия.

Законы удовольствия неумолимы – каждый в нем сводится лишь к собственному эгоизму, и чем больше эгоизм партнера, тем больше удовольствия для тебя самого. Взаимная учтивость, отстраненная с самого начала, понемногу исчезает совсем, сменяясь вольностью вплоть до грубости и самой настоящей жестокости – гораздо более возбуждающей, нежели мучительной.

Я еще успеваю заметить, как он слегка отстраняется, чтобы взглянуть на наши сплетенные тела, прежде чем вскрикнуть от наслаждения, – но когда я пытаюсь различить на его бледном, искаженном судорогой лице адресованную мне мимолетную признательную улыбку, вместо этого я вижу совершенно без-

различное лицо, склоняющееся к моему плечу, как будто ему не важно, на чьем плече найти убежище, и мое просто ближе остальных, – лишь бы не отвлекаться от удовольствия, которого он жаждет больше всего и в котором меня как такового нет – сейчас я для него все равно что чужой.

Если предположить, что каждая авантюра приносит свое солнце и свои семена, что она 25
вращивает в каждом из нас цветы, непохожие на другие, то можно прийти к заключению, что удовольствие, в отличие от любви, – это череда нескончаемых измен.

Ничто не избавит вас столь окончательно и бесповоротно от чего угодно (воистину это магия!), ничто не сведет к нулю всё, что есть внутри и вне вас, с той же легкостью, как неверность. Но в каком-то смысле неверность – это верность: верность удовольствию, заставляющая переходить от одного удовольствия к другому.

Самое большое удовольствие – носить в себе желание, равное ему по силе. Но когда этот баланс нарушен, лучше оставить желание без силы, чем силу без желания.

Поначалу мне доставляло ни с чем не сравнимое наслаждение само мое нетерпение скорее его познать. Это было похоже на дес-

потический приказ, которому я должен был незамедлительно повиноваться: малейшее замешательство грозило смертью. Прежде чем полюбить еще больше, порой начинаешь ненавидеть то, чего желаешь так сильно, – я хочу сказать, почти болезненно.

26 Ах, если бы вы знали, какую волшебную страну я втайне посещаю, на каких монстрах скачу верхом, в каких бываю заповедных уголках! Но это загадка для меня самого.

Лишь на пути к наслаждению я забываю о сдержанности. Когда пытаешься обуздать спонтанное желание, создать для него малейшую преграду, – все исчезает. Желание само по себе есть воплощенная необузданность.

Когда удовольствие доходит до высшей точки, его уже невозможно описать (нет ни времени, ни желания, ни смысла) – лишь принять его как дар, не обремененный ни одним образом, ни одним словом.

Но для того, чтобы добиться его, нужно применить столько ухищрений, столько мастерства, столько предварительных трюков! Лишь освободившись от всего второстепенного, можно обходиться без уловок, без языка – и тогда происходит немой диалог, честный и жестокий.

Потрясение, которым он завершается, настолько сильно, что, кажется, боль и смерть

одновременно пробуждаются и обращают свои взоры к вам. Не только они – даже ад, если он не побежден.

Где начинается удовольствие, хорошо известно – но где оно заканчивается?

Когда наслаждение – уже не обещание чего-то большего, чем ты сам, когда оно – только то, что оно есть само по себе, оно лишь невыразимое и безличное слияние, нечто вроде погружения сознания в небытие и растворение в нем – оно ничто и всё.

27

Я испытываю некоторую гордость, обсуждая с *P.* свои подвиги на этой неделе. Он не верит своим ушам.

В воскресенье он, пораженный, восклицает: «Безумец! Вы же себя убиваете!» – «Нет, я трачу силы на то, что люблю, а это совсем другое дело. Даже наоборот – это утверждение моей веры в Жизнь!»

Одно наслаждение сменяется другим, и вот наконец я чувствую себя так, словно с меня заживо содрали кожу – восхитительное состояние, наиболее близкое к экзальтации, если только сохранять толику Мудрости, позволяющую им управлять.

– Только это для меня по-настоящему ценно в жизни.

– Ах, вот как!

Истинно королевский Дар, как мне кажется, – изначальная способность ко всему, что делаешь или хотел бы сделать; мастерст-

во, которое позволяет легко справиться с любой ситуацией, сколь бы непредвиденной, необычной или опасной она ни была.

Для его обладателя каждое препятствие будет очередной возможностью продемонстрировать свою силу или свое достоинство.

28 Например, в удовольствии: каковы бы ни были обстоятельства и партнеры, которых оно предлагает, – в любом случае оно предоставляет шанс совершить невозможное.

Наслаждение не менее ценно своими поражениями и проигрышами, которые оно позволяет предвидеть, смириться с ними или избежать их, чем победами, которые оно дает нам возможность одержать, увлекая нас за собой, словно бурный поток, в котором невозможно остановиться – иначе это будет означать, что оно закончилось.

Чувствовать себя «проигравшим» порой небесполезно – это своеобразный противовес некоторым триумфам. Момент, когда равновесие нарушается, благоприятен для того, чтобы коснуться дна, а затем, оттолкнувшись от него, снова вынырнуть на поверхность и дожидаться, пока равновесие восстановится.

Стыд – обратная сторона славы. Тот, кто не отважится заглянуть в бездну, упустит самую захватывающую возможность познать себя всецело.

Ничто не придает взгляду и жестам больше достоинства, а всему облику – значительности, даже величия, в той же мере, как благородная истомленность после наслаждения – если только оно не выпивает из вас все силы.

НЕВИННОСТЬ УДОВОЛЬСТВИЯ

30 Первый и единственный долг, который у нас есть, – быть счастливым в любых обстоятельствах: это лучший способ воздать почести богам и явить людям пример для подражания, более полезный, чем вид счастья как такового.

Зла не может быть в счастье, радости, удовольствии – оно лишь в несчастьях и страданиях, не зависящих от нас; однако плохое настроение, грусть, зависть – всё это мы можем изменить.

В тот день, когда я окажусь в беспомощном состоянии, предшествующем смерти, меня утешит воспоминание о былых радостях. Люди из слабости совершают ошибку, отрекаясь от того, что когда-то любили, когда оказываются этого лишены. Сожаление – не что иное, как самая низкая форма неблагодарности, род лицемерия, наносящего оскорбление самой жизни.

Сожаление уже веет над желанием, прежде чем обрушиться на наслаждение, в котором

оно становится червяком, выгрызающим изнутри прекрасный плод.

Трудно сохранять равновесие; еще более сложное искусство – избегать и излишней строгости, и излишней распушенности, будучи не чуждым ничему из того, что составляет и величие, и одновременно слабость человеческой природы.

31

Все те, кто предается удовольствию без всякого почтения к нему, унижают его больше, чем те, кто его порицает и от него воздерживается.

Поскольку нет и не было ничего более изысканного, чем наука удовольствия, некоторые ограниченные святоши предпочитали нарочно подвергать себя всевозможным трудностям и опасностям. Они называли удовольствие злом, а некоторые способы наслаждения – пороками. Разумеется, их малодушие не позволяло им выйти за пределы этого полного и заблаговременного отречения, которое есть худшее из святотатств, ибо не признает самого главного из божественных даров.

Не кощунство ли – сказать «нет» другому существу? увидеть недостачу там, где присутствует избыток? И что есть добро, если все наиболее захватывающие и увлекательные вещи проходят по разряду зла?

Я и сам долгое время считал себя грешником, и мне довелось испытать муки того, что я назвал «падением».

32 Отныне слово «ад» имеет для меня совсем иной смысл по сравнению с тем, что я придавал ему раньше. Если рай похож на понимающую улыбку (а понимание всегда сопровождается добротой), то ад для меня – не более чем раздражение по поводу предвзятости тех, кто развенчивает тело, тогда как оно есть источник самых сильных наслаждений, самых захватывающих встреч. Я всеми силами старался разрушить все запреты, в моем представлении угнетающие плоть.

Моя лилия одержала победу над точившим ее насекомым. Почти всем лилиям приходится бороться с этим невидимым врагом, крошечным драконом, который с самого их рождения поселяется в них, грозя пожрать их сердце. Они становятся уверенными в своей победе только после того, как вырастают до определенного уровня, достигаемого с большим трудом, – но с этого момента навсегда преодолевают ту незаметную опасность, которую носили в себе и которая отныне не может причинить им никакого вреда. *Superaverunt**. Они оставляют ей свои уходящие в землю корни, в то время как цветы распускаются во всей

* Здесь: победа за ними (лат.).

красе, великолепные и неуязвимые, вознося аромат к небесам.

Удовольствие – предохранительный клапан, необходимый для слаженной работы всех органов, чьи функции оно помогает им выполнять.

Я не хочу устраивать судебный процесс с самим собой по поводу всех моих поступков. Когда я позволяю себе такие поступки, которые невозможно объяснить, разрешить или оправдать, для меня имеет значение лишь то, как я себя поведу. 33

Стоя на краю пропасти, перед тем как броситься в нее, не всегда испытываешь воодушевление, но всегда – одно и то же любопытство, одно и то же стремление увидеть, услышать, коснуться другого существа; однако зачастую, оказавшись лицом к лицу с ним, уже готовым отдаться, отступаешься от своего замысла или выполняешь его наспех, кое-как, думая лишь о том, как бы поскорее остаться одному.

В такие моменты в моем взгляде наверняка читается восторг, но сам я настолько далек, настолько отделен от происходящего, которого так желал, что оно уже не имеет для меня никакого значения.

Часто мне даже больше нравится наблюдать что-то подобное в театре – меня привле-

кают мизансцены, игра актеров, возбуждение, передающееся от них зрителям. После некоторых спектаклей я еще долго остаюсь взволнованным.

34

Иногда мы удивляемся сами себе: зачем вступать в пререкания, явно бесполезные, зачем усиленно плести повсюду интриги, излишние или неуместные – но мало-помалу они поднимают нас на такой уровень, откуда нам предстают самые неожиданные перспективы, гораздо более ценные в плане познания, чем могло бы показаться философам, пребывающим в вечной апатии.

Жизнь – если мы живем не напрасно – использует все средства, и в первую очередь наши промахи, наши ошибки, особенно серьезные, – для того, чтобы не позволять нам расслабиться. Они больше всего свидетельствуют о нас самих и побуждают нас с большей настойчивостью изо дня в день расти над собой.

Я испытываю такое почтение к «совести», что позволяю ей входить даже туда, куда ей обычно путь заказан. Если я совершаю зло, я столь же требователен к себе, как если бы творил благо.

Великий человек может порой заставить замолчать сомнения, которые останавливают малодушных, чтобы создать самому себе испытания, которые только он один и сможет выдержать.

Графиня: «Марсель – святой Бенедикт Лабр* земной любви. Величие плоти он способен разглядеть даже под слоем грязи и паразитов».

* Бенедикт Лабр (1748–1783) – католический святой, нищенствующий монах и юродивый.

ЧТО ДЛЯ МЕНЯ НАГОТА

36 Напрасно я поднимался на самые высокие горы, откуда открывались самые удивительные виды, самые великолепные пейзажи – они оставили меня равнодушным, я оказался нечувствительным к зрелищам такого рода. То ли я не верю в Природу, то ли она для меня всего лишь нечто вроде аксессуара или декорации.

У меня перед глазами проплывал альпийский хребет Арави – цепь горных пиков порой прерывалась, будто специально для того, чтобы позволить время от времени любоваться Монбланом. Всё напрасно. Ледник Бионассэ, который, казалось, лежал на расстоянии вытянутой руки, не произвел на меня впечатления: он остался для меня эфемерным. Но когда этот человек обнажается передо мной, всё остальное перестает существовать, и я чувствую, как медленно и неуклонно движусь к смерти. Словно непроглядная тьма окутывает всё вокруг него, и лишь он один сияет в ней неугасимым светом. Где я заблудился? Я на ощупь движусь вдоль его ног, пытаюсь цепляться

за всё подряд, и всё от меня ускользает – словно весь мир уклоняется от моих рук, и я проваливаюсь в бесконечную, неумолимо затягивающую пустоту.

Присутствие наготы волнует меня до такой степени, что не столько влечет, сколько вызывает головокружительное состояние, освобождающее от всего, даже от ощущения себя тем, кто я есть, даже от ощущения себя кем-то.

37

Мы вспоминаем события дня, который провели вместе в Пор-Ройяль-де-Шам^{*}: Пьер, Х. и я. Как было не обсудить визит в Птит-Эколь и то зрелище, что предстало нам в Гранже, с лестницы, по которой Паскаль некогда поднимался в свою комнату: двое юных погонщиков, лет по двадцать, мылись на скотном дворе, касаясь друг друга с детской грацией и необыкновенной предупредительностью, – прекрасные, как мифические Кастор и Поллукс.

Пьер: – Немного же вам надо, чтобы стереть воспоминания об Отшельниках!

Я: – Хотите сказать – чтобы почувствовать себя Расином?

Впрочем, я не думал о том, чтобы воспользоваться кем-то из них – такая мысль при-

* Имеется в виду монастырь и соседствующая с ним община янсенистов (называвших себя Отшельниками), к которой в свое время принадлежали, среди прочих, Блез Паскаль и Жан Расин.

шла мне позже, когда я медленно прогуливался, уже в одиночестве, вокруг местного пруда – без всяких, впрочем, дурных намерений. Там я и повстречал одного из этих юнцов, уже закончившего свой туалет, свежeweымытого, сверкающего чистотой, улыбающегося. Без сомнения, он догадался, что я не прочь свести с ним знакомство, и стал медленно удаляться, видимо, надеясь, что я последую за ним. Но тут, как будто специально для того, чтобы нам помешать, из-за кустов вынырнул какой-то старик совершенно дьявольской наружности, и одновременно Элиза*, с другого конца дорожки, сделала мне знак следовать за собой. И так, я не в силах больше думать, я горю. Меня наполняет уверенность, моральная и даже физическая, в собственном незыблемом могуществе. Любовь, лишенная объекта, который я мог бы назвать по имени, будешь ли ты залогом обещания, предчувствием встречи или воспоминанием, облекшимся в плоть всех тех, кого я некогда имел счастье ласкать?

Одиночество – совсем не то, чем его считают. Можно ни с кем не видаться, продолжая в то же время интересоваться всеми, и, с другой стороны, быть одиноким, несмотря на то, что тебя окружает множество людей, – если

* Элизабет Тулемон (1888–1971), жена Марселя Жуандо.

сумеешь создать между собой и другими некий запас прочности, отчасти сходный с тем, что подразумевают мистики, говоря о «присутствии Бога». То «Присутствие», которое отделяет меня от всех остальных, может быть не настолько благим, как присутствие земного объекта – но по мере того как на нем сосредотачиваются все мои силы, все мое внимание, по мере того как он заменяет мне всё, согревает меня и освещает, заключая меня вместе с собой в центр нашей личной вселенной, – он становится священным для меня, моим тайным Солнцем.

39

Конечно, жизнь, какой бы она ни была, ценнее всех наших идей и предубеждений, и кто знает – если некоторые проявления нашего идолопоклонства, таящиеся под спудом сформировавшегося на протяжении веков скептицизма, укоренились в самой глубине нашего существа и стали источником всех наших метаморфоз и всех наших свершений, всех проявлений нашего разума и эмоций (изобилие и разрастание в любом случае лучше бесплодия и увядания), – то не больше ли у них шансов считаться «благими», не больше ли у них оснований существовать, чем у всех разновидностей морали и религии?

Нужно быть столь религиозным, принимать столько религий, чтобы не оставаться чуждым ни одной, за исключением фанатизма.

Иногда словно огненная пощечина обрушивается на вас прямо посреди улицы, и напрасно вы оборачиваетесь в поисках нападавшего – он исчез.

40 Нет ничего более волнующего, чем эти встречи с существами из мифов и легенд, чья фамильярность колеблется между оскорблением и дружелюбием. Происхождение их загадочно. Может быть, это всего лишь воспоминания или полузабытые чудесные сны, которые вдруг в один миг обретают плоть, оживают. Или же какой-то демон мимоходом приветствует вас? Святой Павел описывал их как огненные вихри. Возможно, это похоже на встречу с кометой – она проносится мимо вас, и вы еще долгое время переживаете это потрясение, чувствуя ее ожог.

КРАСОТА И УДОВОЛЬСТВИЕ

Иногда очевидность красоты скрывает от нас тайну плоти как таковой. Тот, кто обладает слабым темпераментом, нуждается в красоте как в некой разновидности приманки: в ее чарах, уловках, отговорках, что позволяют уклоняться от реальности, и в том душевном смятении, которое она дарит в качестве награды и в котором нет места сладострастию, ибо оно требует к себе внимания всех пяти чувств.

41

Присутствие рядом со мной обнаженного человека гораздо более ощутимо для меня, когда я закрываю глаза или поворачиваюсь к нему спиной.

Поскольку их встречные взгляды перехватывают или стесняют друг друга, любовники по-настоящему видят друг друга только тогда, когда один из них опускает глаза.

Слишком красивое лицо чаще всего мешает увидеть тело, как полуденное солнце мешает разглядеть окрестный пейзаж.

С. гораздо более красив телом, чем лицом. Никого другого мне не было так приятно созерцать обнаженным. К тому же он всегда умело напускает на себя несколько двусмысленный вид, словно у травести. Он становится собой лишь тогда, когда раздевается – ничто для него не выглядит более естественным. Для него это акт освобождения, празднество, на котором он триумфально выставляет напоказ все свое очарование, которое обычно с сожалением скрывает. Когда мы остаемся наедине, он мгновенно сбрасывает с себя одежду, и тогда человек исчезает, а взамен является божество.

УДОВОЛЬСТВИЕ И СВЯЩЕННОДЕЙСТВИЕ

Что происходит во мне? Всеобъемлющий, глухой ужас возвещает о приближении Сакрального. 43

В лучшие дни наслаждение было для меня больше связано с восхищением, нежели с чувственностью. Оно походило на священнодействие, облакалось в преклонение по мере того как любовники мало-помалу уступали воздействию тайного экстаза, который преобразовывал каждого из них в глазах другого и проскальзывал в их жестах. Что до чувственности, это никому не ведомый язык, разговоры на котором имеют смысл только для богов.

Нежность и отвага, подобно двум рукам, возносят нас на такую высоту, где уже ничто не способно нас принизить – всё только придает нам сил. И мы сами возвышаем всё, что делаем, всё, что чувствуем.

Малейшая авантюра приобретает в наших глазах ту же важность, ту же значительность, что и мифы Религии – той нашей личной Религии, которая, при всем своем неправдопо-

добии, возможно, является единственно истинной.

44

В волнении, которое испытываешь при виде заповедных мест человеческого тела, нет ничего постыдного. Подобно тому как есть красота горных вершин, есть и красота темных бездн, и тот ужас, что охватывает вас при их созерцании, порой более патетичен, более вдохновляющ, чем любое восхищение чем-то возвышенным. Красота и величие совсем не обязательно отсутствуют в том, что считается приличным скрывать. Напротив, тайна, которой мы окружаем эти заповедные уголки наших тел, лишь добавляет им притягательности, близкой к преклонению. Свет, который их озаряет, не менее восхитителен, чем свет солнца, когда оно заглядывает в бездны.

Чувственность у некоторых людей отчасти связана с наиболее сакральными из всех таинствами. Есть нечто религиозное в том волнении, которое охватывает их при виде сексуального органа, чья странная форма включает в себя и скрывает в себе столько тончайших нервных волокон, образующих сложные сплетения, подобно корням мандрагоры.

В момент инициации удивление настолько сильно, что никакое другое, которое мы испытываем перед иными чудесами природы

или творениями искусства, с ним не сравнится. Опьянение, приходящее ему вслед, чаще всего выражается в безнадежной попытке постичь эту самую жестокую из загадок бытия.

Чуть позже начинаешь полагать себя ближе к постижению этих тайн, но вот тогда-то и обманываешься. Когда мы видим в атрибутах любви лишь то, что они собой представляют, мы забываем о самой ее сути, которая в принципе не постижима.

45

В наслаждении есть некий реальный, осязаемый, непреходящий элемент божественного – во всех смыслах и оттенках этого слова. Его можно постичь, можно ощутить; он обладает конкретной природой, относительно которой невозможно обмануться.

То, что для одного является лишь удовлетворением естественной потребности, для другого становится возможностью развить в себе выдающиеся способности. Если для одного плоть вызывает восхищение своей первозданной чистотой, то для другого главное ее очарование будет заключаться в тех картинах, которыми ее облакает его воспаленное воображение. Для тебя твои деяния окружены подземным мраком Тартара, тогда как для меня они вознесены на сияющие высоты Олимпа и насквозь пронизаны божественным при-

сутствием. Плоть способна вызывать как ужас, так и восхищение – всё зависит от взгляда или от состояния души того, кто созерцает ее или заключает в объятия.

ЭРОТИЧЕСКИЕ СНЫ

В моих снах мне случалось принимать участие в волшебных играх, каких реальность никогда не предлагает. Я наслаждался удовольствиями, которые только во сне возможно пережить и не умереть – или не утратить полностью все представления о сдержанности.

47

Это было вчера ночью. Мне снился лес, окутанный чем-то вроде золотой мишуры, где после долгого ожидания, почти в самый момент пробуждения, мне предстал раскинувшийся на земле, словно всецело предающий себя мне во власть, молодой человек невероятной красоты, которую здесь, на Земле, можно увидеть разве что на расписном плафоне Сикстинской капеллы или под сводами из переплетенных ветвей в Королевских садах. Мое удивление сменилось восторгом, затем к нему добавилось стремление к действию – если вначале восхищение парализовало меня, заставив полностью забыть о себе, то недолгое время спустя ко мне вернулось самосознание, а вместе с ним – свобода движений. Эндимион (это не мог быть никто иной) закрыл глаза, чтобы

меня не смущать. Его голос повелел, чтобы нас оставили одних. После этого взглядом, едва пробивавшимся сквозь неплотно прикрытые веки и бахрому ресниц, он потребовал от меня ласки, и я почувствовал, как он скользит в моих руках, прижимается к моим ногам, соединяется с моей плотью столь тесно, как никогда мне не доводилось испытывать наяву. Полностью слившись, сплавившись в единое целое, наши тела разворачивались, соединялись, сплетались, словно кольца гигантской змеи, то сжимаясь в плотный ком, то распрямляясь и вытягиваясь подобием морской звезды или громадной орхидеи, простирающей свои фантастические лучи во все концы Вселенной, вплоть до самых глубоких бездн.

С тех пор все мои чувства, все мои поступки окружены ореолом света, который озарял меня в том сне – я словно побывал в раю. Я до сих пор не знаю, кого там встретил, но в полной мере ощутил всю нежность этого существа, недостижимого в здешнем мире и оказавшегося доступным в иной реальности, с которым я разделил наслаждение. Отныне у меня не осталось ни желаний, ни сожалений. Стоит лишь мне закрыть глаза – и я вновь отыскиваю в себе более реальные, чем воспоминания, следы его неожиданных ласк.

Он постоянно возникает у меня перед глазами, словно не хочет, чтобы я смотрел на кого-то еще, и я продолжаю жить с ним в столь тесной близости, в какой никогда

не жил до этого ни с кем. Плотность, цвет и тепло его кожи, очертания его тела, выражение его лица, его запах – все это для меня ощутимо, даже в большей степени, чем обычно бывает все то, что приходит к нам из потустороннего мира.

Он неотделим от меня, я – от него. Я хочу сказать, что все мои чувства поглощены им одновременно – я буквально им дышу. Мои руки не могут перемещаться в пространстве без того, чтобы натолкнуться на него, глаза – открыться без того, чтобы он тут же предстал моему взору, словно пейзаж, окружающий меня со всех сторон, заключающий меня в себя. Стоит мне прислушаться, как я улавливаю его дыхание, слышу его голос – и мне кажется, что я для него являюсь объектом той же самой неослабевающей, абсолютной одержимости. Для него нет иного горизонта, кроме меня, – и для меня нет помимо него ни горизонта, ни будущего. Мы ничем не ограничены, кроме друг друга, и нигде ничего не существует для нас, кроме нас двоих.

Я замечал множество раз: ничто другое так не усиливает мою чувственность, как некоторые хвори, вызванные расстройством пищеварения или печени и сопровождающиеся мигренью. Тут же мое сознание заполняется образами, распалющимися похоть. Для этого достаточно любой мелочи – тени на стене, пятна на потолке, складки на занавеске, узора на ковре. Роза превращается в непристой-

ную деталь, вокруг которой разворачивается целая вакханалия. Я думаю, нечто подобное скрыто присутствует в узорах, созданных самой Природой, нашей матерью и нашим лекарем, для того чтобы исподволь побуждать нас заниматься любовью, поскольку ничто не пробуждает к жизни телесный механизм столь успешно, не взбадривает его лучше, не сообщает такую слаженность всем его движениям и не развеивает дурное настроение с такой быстротой – спустя недолгое время я полностью исцеляюсь.

Состояние нашей печени оказывает не меньшее влияние на некоторые обонятельные галлюцинации, чем работа желез внутренней секреции – на красоту лица или тела, невольно приковывающих взгляд. Так, наблюдая более или менее пристально за работой своих внутренних органов, человек становится сам для себя источником многочисленных удовольствий.

Х. утверждает, что его печень чувствует себя прекрасно с тех пор, как находится на подобающей ей высоте – в прямом смысле этого выражения, – а прежде она болела только потому, что пребывала слишком низко над уровнем моря. Он говорит, что печень живет своей отдельной от нас жизнью; что, например, мадам С., его знакомая, арендовала отдельный кабинет на втором ярусе Эйфелевой башни

и время от времени приходит туда, чтобы доставить удовольствие своей печени, когда та ее об этом просит – точно так же, как другие выводят на прогулку своих собак, чтобы те размялись и заодно облегчились, – или идут в бордель.

Чем сильнее мое недомогание, тем больше я становлюсь жертвой образов, рождающихся во мне и вокруг меня. Например, навязчивое видение двух мужчин в поезде, которых вагонная тряска заставляет непрерывно обниматься; одновременно с этим двое ангелочков изящно порхают вокруг массивного затылка одного из них, а губы другого с каждой секундой все больше оттопыриваются, придавая его лицу брезгливое и недовольное выражение – оттого, что меня самого тошнит.

51

– Ах! если бы ты знал, о чем я думаю, когда не думаю ни о чем; что меня на самом деле занимает, когда я делаю вид, что интересуюсь чем-то другим, – ты не смог бы сидеть со мной рядом, ты не смог бы меня любить, ты надавал бы мне пощечин!

Так и есть. В такие моменты я воспринимаю себя с ужасом. Между тем, что я вижу, и мной самим вклинивается отвратительный образ, который время от времени, пусть даже всего на миг, подменяет собой реальность. Сердце начинает биться так, что, кажется, вот-вот разорвется. До чего глупо. Как будто

я вступил в сделку с Порочностью, из-за того, что только она может вызывать у меня столь глубокое волнение.

– Я правильно сделал, рассказав тебе об этой одержимости, не так ли? Достаточно того, что ты узнал о ней, чтобы она исчезла. Ты словно заставил ее устыдиться, и она больше не смеет попадаться тебе на глаза – но ты уже почти готов себя за это упрекать, потому что в глубине души о ней сожалеешь.

Многие люди ухитряются обращать себе на пользу даже свои недостатки: так, хромой использует больную ногу наряду со здоровой, а большинство добродетельных людей – полное отсутствие темперамента.

УДОВОЛЬСТВИЕ И ГРЕХ

Нет добродетели, которую более сложно практиковать без отвращения, без притворства, без печали и сожаления, чем добродетель христианская. Даже будучи искренним, христианин лишь с большим трудом может заставить поверить в свою честность и прямоту, не производя впечатления лицемера. Помимо отвращения, которое она внушает самой природе, христианская добродетель искажает изначальный смысл того определения, которое сама себе дает. Оно подразумевает скромность, чистоту, послушание, бедность, самоотречение – тогда как изначально «добродетель» означала «мужественность», то есть полное соответствие самца собственной природе, победоносное утверждение собственного «я» перед всеми, кто угрожал ему или пытался его ограничить. С точки зрения героя – как могут честолюбие, независимость, могущество, непокорность, отвага, бунтарство, наслаждение, гордость быть пороками? Это христианская добродетель – порок: в той мере, в какой она стремится к подавленности, самоуничижению и полному отказу от «чистой» воли и про-

возглашает слабость как идеал, она представляет собой неустанный бунт против жизни, в которую, по идее, она должна была бы вливать новые силы и чьи формы приумножать.

54 Сколько людей, убаюканных, усыпленных этой жалкой доктриной, отвернулись от своих желаний, чтобы похоронить себя раньше срока – как если бы святость заключалась в персональном отречении от жизни, в духовном самоубийстве.

Я и сам, под влиянием священников, согласился с тем постыдным недоверием к жизни, которое испытывал мой отец, – с тем, что я должен пренебрегать телом, что я был рожден для того, чтобы жертвовать собой, подвергая его испытаниям. Если бы я с детства укреплял мускулы – каким мужчиной я мог бы стать! сколько трудностей смог бы преодолеть с гораздо меньшими усилиями!

В моем темпераменте, в моем характере по счастливой случайности есть некое врожденное дерзновение, которое, по мере своей борьбы с застенчивостью, появившейся в результате воспитания, все сильнее бунтует и стремится на волю. Следуя велениям духа и плоти, оно движется от одной вылазки к другой, от одной победы к другой, всякий раз торжествуя над запретами.

– Однажды, уже в конце войны, – рассказывал S., – я зашел в ночной клуб, где один красивый

офицер дал мне понять, что я ему нравлюсь. Я привел его к себе.

Два месяца мы не виделись, а потом случай снова свел нас в одной большой общей компании, где вокруг него порхал целый рой девушек, называвших его «святой отец». Я не мог удержаться от того, чтобы подстеречь его у выхода и выразить ему свое удивление.

– В самом деле, – ответил он, – до войны я принадлежал к ордену иезуитов, и меня называли «отец V». Но через некоторое время, хвала всем богам и моему в том числе, я убедился в том, что отныне принадлежу к вашему ордену.

55

Я стал язычником.

Теперь мои боги – Дискобол, Ты, Солнце и Луна. Мой Храм – Лес.

Теология: к чему все эти сложные построения, когда голый Человек на голой Земле – самое простое и самое величественное зрелище в глазах Предвечного.

Все рассуждения о Троице, Воплощении, Искуплении выглядят бессмысленным издевательством – странно, что в ответ ученики не швыряют в лицо учителям разорванные катехизисы.

Ну что ж, пусть будет так – я готов признать, что моя Вера в Грех неискоренима – она таится в самой глубине моего существа, я насквозь пропитан ею и не сумею от нее освободиться –

я принимаю ее, сживаюсь с ней; но если бы я признал ее действительно своей – это вызвало бы в моей душе бунт.

– Грех? – например, сказал бы я. – Что ж, тем лучше! Если бы не было греха, как тогда извинить Творца за вселенский беспорядок, порочащий Творение? Разумеется, грех куда более важен для оправдания Бога, чем Человека.

56

Что бы я ни делал и ни говорил, как бы я ни смеялся и ни верил в то, что с этим покончено – я никогда не смогу полностью искоренить в себе привычки более древние, чем мое собственное сердце.

То, что по-прежнему остается во мне, вопреки моей воле, от таинств Религии, в которой я был рожден, – это понятие греха и ужас, который его сопровождает. И то и другое я впитал с молоком матери, и это не пустые слова: моя мать принадлежала к поколению тех женщин, которые после родов отправлялись в церковь, закрыв лицо вуалью, чтобы просить священника вымолить для них прощение Небес за то, что они произвели детей на свет (эта специальная церемония называется «Очищением»). Я до сих пор ощущаю на себе груз этого изначального подозрения. Само зло не так значимо, не так опасно для человека, как христианская идея зла, в той мере, в какой она компрометирует человека от начала мира в его собственных глазах, навсе-

гда отравляя его отношения с Богом и самим собой. Он считает себя преступником, осужденным и приговоренным заранее, отчего всё его восприятие искажено с самого начала. Ничто не чисто и никогда не сможет очиститься – как если бы в какой-то момент по непонятной причине происходит разрыв непрерывности и существо отторгается от природы, которой принадлежит, тогда как сама она отделяется от Сверхприродного.

57

После этой обвинительной речи против христианской добродетели – что помешает мне перейти к апологии, к похвале греха? Христианин, конечно же, входит во грех не как триумфатор. Ну что ж, сделаем единственное блистательное исключение из этого правила.

Какой неодолимой притягательностью обладает самое первое нарушение запрета, когда религия еще следует за вами и освещает глубину вашей бездны! Очнувшись, вы вдруг понимаете, что оказались в аду. Удивление, оцепенение, глухой ужас – единственные ваши спутники в этом незнакомом мире, населенном чуждой флорой и фауной. Чем чище вы были прежде, тем острее вы воспринимаете эту перемену обстановки. Романтичное воображение, недостаток опыта и излишняя эмоциональность – не является ли все это благодатной почвой для угрызений совести, уже после удовольствия? Нужно признать, что прегрешение, с христианской точки зре-

ния, – это не просто банальная драма, и если грех – это христианское установление, то его жертвам стоило бы уделить место в мартирологе человечества, раз уж оно его так и не победило. Также грех в конечном счете служит на благо христианству – что и было ему изначально предписано. Если он один лежит в основе существования христианства, это означает, что оно придало ему новый характер: без сомнения, иудеи и мусульмане тоже грешат, но у христиан грех приобретает значение крайне серьезное, исключительное, возвышенное, всепоглощающее. Он противоречит не только абстрактному Закону, не только Воле Творца Всемогущего, – он оскорбляет Любовь. В других религиях последствия Греха блекнут со временем и занимают лишь самого согрешившего. О, эти преступления, лишенные всякой глубины! Не то у христианина: отступить хоть на шаг от выполнения своего долга означает нанести персональное оскорбление Отцу, Сыну и Святому Духу, усомниться в единстве Троицы и нарушить покой отдыхающего в своих чертогах Создателя. От этого не только земля перевернется – содрогнутся небо и ад! Больше того – между всеми этими поступками, которые как бы накладываются друг на друга, соединяются, чтобы общими усилиями подавить Удовольствие, – христианин вдруг замечает, словно между прутьями решетки или прочерченными по земле бороздами, Лик, вид которого ежеминутно наруша-

ет его восторженное опьянение, постепенно развеивая его, – и это Лик Распятого. Какая трагедия! Какой контраст! Гораздо честнее было бы погибнуть, чем спастись, погрязнуть в разврате, нежели очиститься – если бы грешник не утрачивал вкуса к греху. В самом деле, его первоначальное смятение уступает место бесчувственности, а бесчувственность рискует перейти в жестокость – и вот так наслаждение самое естественное, самое здоровое, самое простое может смениться кощунственным мучительством, даже богоубийством.

59

Наконец, берегитесь, как бы гордыня не отняла у вас всё: при мысли о том, что Всемогущий оказался беспомощным и теперь сквозь прорехи своей Вечной Ревности наблюдает за ним, свободным от всякого страха, – неверный еще больше упивается своей игрой и своим триумфом, считая себя победителем, а Бога – проигравшим. Иными словами, из-за того что Бог имел неосторожность сделать его свободным и бессмертным, Человек считает свою победу законной. Несопоставимость Персонажей и доставшихся им ролей, извращенность, скандальность ситуации – ничто его не смущает, напротив, еще сильнее возбуждает и распаляет именно в силу своей невероятности. Тот факт, что он, Оскорбляющий – ничто, а Оскорбляемый – воплощенное всеобъемлющее Величие, кажется ему пикантным. «Что, мне бросают вызов? Прекрасно, я хочу увидеть, как Бог униженно

преклонит колени передо мной, возлежащим на ложе из роз!»

Исход, реванш великолепен! Однако я продолжаю вести себя в той же манере. Увы! сколь мало грешников смогли догадаться о коварстве греха, постичь его истинные масштабы и остаться честными с самими собой, согласившись быть последовательными в нем до конца – хотя по логике вещей конца у этого пути нет!

УДОВОЛЬСТВИЕ, ДОБРОДЕТЕЛЬ И ПОРОК

Удовольствие, за которое платишь слишком дорого, – не удовольствие. Я говорю о материальной цене. С моральной всё наоборот. Я хочу сказать, что удовольствия, которые себе доставляешь, должны быть соразмерны тем страданиям, которые соглашаешься переносить добровольно. Человек, у которого нет никаких заслуг, не заслуживает и удовольствия. Напрасно он будет пытаться создать себе симулякр – желаемого результата он не получит. Именно в той мере, в какой заслуживаешь право на отдохновение, будешь наслаждаться им – оно станет блаженной наградой за труды. По-настоящему обладаешь только тем, что добыл кровью и потом.

Очевидно, что удовольствие избегает слабаков, которые от безнадежности клеветают на него.

Случайно ли Цезарь и Микеланджело любили мужчин наиболее мужественных? Достаточно взглянуть на деяния одного и на шедевры другого. Нынешние мужчины, которые любят женщин, сами зачастую более женствен-

ны, чем они, и хотя полагают себя сведущими в любви, на самом деле представляют собой то, о чем ни на каком языке нельзя говорить без презрения.

62 Чтобы рискнуть взять на себя распространение нравов, считающихся недопустимыми, чтобы больше не обращать внимания на современную мораль, чтобы стать в глазах окружающих одним из недосягаемых полубогов, нужно закалить свою натуру до той степени суровости, при которой никто не сможет поставить под сомнение вашу мужественность. Только тогда страсть и наслаждение не причинят никому вреда. Никто больше не поставит вам в вину то, что на самом деле является подвигом, и не объявит постыдной склонностью то, что составляет часть вашей славы.

Наслаждение и страсть не стоит воспринимать как распущенность или слабость – но как возможность преодолеть сверхчеловеческие опасности и остаться невредимым, совершить самые невероятные поступки, показать лучшее, на что способен – и всё это с высоко поднятой головой. Только с такого угла зрения нашим взорам предстанет Олимп, и мы, вкусив амброзии, навсегда останемся неуязвимыми.

Никогда не говори, подобно другим: «это хорошо» или «это плохо» – но только «это сделано хорошо» или «это сделано плохо». Постыдное

или благородное существует лишь в трактовке, которую ему придают. Все то, что на данный момент объявляется низким или, напротив, превозносится, не имеет ничего общего с нынешней моралью. Из наших поступков мы всегда выделяем самый важный, независимо от его сути. Древние греки хорошо это знали.

Разделяя все поступки на «чистые и нечистые» с той же безосновательностью, с какой древние иудеи разделяли животных, – христианство всё испортило.

63

Если «добродетель» – синоним силы, то «порок» – не обязательно синоним слабости. По этому поводу я люблю вспоминать старого архиепископа из Шаменадура*, который говорил, улыбаясь: «Мой викарий отпускает только те грехи, которые ему нравятся».

В моих отношениях с молодыми людьми столько же коварства, сколько нежности. Это жестокие игры, в которых я выпускаю когти в самый неожиданный момент – когда они думают, что изрядно меня потрепали, я призываю их не быть такими вялыми.

Мы не выбираем своих склонностей. Одни скрывают их или осуждают, и полагают себя освободившимися от них, оправданными.

* Так Марсель Жуандо называл свой родной город Гере.

Другие переносят их, преобразуют, сублимируют – но не является ли ореол возвышенного, окружающий эти свойства в воображении их обладателя, всего лишь обманом, отвлекающим маневром, а не истинным очищением? Все зависит от искренности, от спонтанности этой импровизированной мифологии, будь она изобретенной самостоятельно или заимствованной.

64

Сначала воспринимаешь свои пороки как нечто любопытное; затем, переходя в разряд опасных, они порождают трагедии. После чего превращаются в привычки и больше не трогают.

Чаще всего наша ценность измеряется именно нашими неблагоприятными поступками, нашими ошибками. Если бы не они, мы бы ничем не отличались от заурядных персонажей, сидящих за нашим столом – абсолютно цельных, лишенных всякой драматичности. Что до меня, то самое главное во мне выходит за пределы моей личности – ужас или восторг сквозят в каждом моем слове, в каждом движении. Смерть и грех непрестанно оспаривают меня друг у друга: одна берет верх в обычной обстановке, другой – в интимной; и воздействие обоих тем ощутимее, чем более они хрупки и уязвимы. Насколько меньше смятения вызывало бы мое присутствие, не будь этого неуклонного движения к ги-

бели, которое можно угадать либо по дрожи в моем голосе, либо по внезапной вспышке во взгляде.

Неизбывная печаль сопровождает незаслуженный «экстаз», когда испытываешь его среди чужих страданий. Равно неспособный его принять и отказаться от него, я отталкиваю его тем сильнее, чем настойчивее он меня притягивает, и чем глубже мое отвращение, тем возвышеннее мои эмоции. И наконец я сдаюсь, не в силах устоять перед наплывом нежности столь невыносимой, что только тревога, которая ее сопровождает, заставляет меня ее принять. Каждый из нас – тайный скульптор своего облика.

65

Горе тем людям, чье отвращение основано на недостатке информации, тем более любопытства, и на предубежденности, тем более на суеверии. Они считают недостойным даже вообразить себя в таком позоре, которым столь щедро покрывают нас. Им мало лишиться себя чистого удовольствия – они утратили и то удовольствие, которое по природе своей неразлучно с истиной.

Иллюзорны ли они – те образы, в которых я представляю себе мою жизнь, та изысканность, которой, как я предполагаю, обладают мое лицо и моя душа в некоем идеальном мире? Может быть, я смотрю на себя сквозь призму, которая порой разбивается, и я в один миг

оказываюсь одиноко бредущим сквозь тьму; но я никогда не спутаю свою походку с чужой: у нее свой особый ритм – торопливый, решительный, готовый к авантюре самой сомнительной и самой рискованной.

66 Иногда я очень хочу расстаться с самим собой. Я колеблюсь между отречением и принятием себя. Сама Природа не подобна ли в этом мне, с ее высотами и провалами, ее небосводом и безднами? Может быть, эрозии почв и локальные бури – не столько катастрофы, сколько нечто вроде зуда, необходимого для того, чтобы взбодрить организм? Жить так – означает сжигать себя; это самоистощение, которому, однако, не чуждо рациональное расходование сил, может сопровождаться кратковременными извержениями, ущерб от которых необходимо минимизировать, но не слишком беспокоиться о них и не считать их проявлениями слабости.

Слабые люди избегают наслаждения, как если бы они боялись потревожить какую-то врожденную болезненную рану. Для них лучше усыпить эту боль и уснуть вместе с ней.

Мне рассказывали о человеке, который был болен раком простаты, терзавшим его долгие годы. От постоянных мучительных прогулок из больницы в клинику и обратно его ноги по-

крылись незаживающими язвами. Но на вопрос о том, не устал ли он страдать, он совершенно искренне отвечал:

– Да нет. Жизнь мне по-прежнему дорога, и будет жаль, если придется с ней расстаться. Поверьте, боль – это не то, чем ее принято считать, или, по крайней мере, это не одно и то же для всех. Без сомнения, она в чем-то сродни удовольствию.

67

Что для меня важно – это «испытать» жизнь, ощутить в себе и вокруг себя ее яркое, пульсирующее присутствие. Если оно явит себя как боль, я буду любить боль в той же степени, что и удовольствие.

У Х. только одно желание и никаких потребностей. Желание, когда оно заполняет его целиком и он уступает ему, заменяет собой добродетель, чистоту, религию – поскольку отделяет нас от всего остального, скрепляя наш тайный союз. Для него важно только это и ничто другое – его не заботят ни одежда, ни еда, ни крыша над головой. Он живет только для того, чтобы преследовать свою цель – терпеливо, осторожно и настойчиво, словно маньяк, сохранивший ясность сознания. Если и есть разница между ним и святым, она не в их состоянии души, одинаково обнаженной, а лишь в объектах преследования.

L. однажды признался мне:

– До этого момента я думал, что мои близкие восхищаются мной, и вот сегодня утром я услышал, как родители говорили обо мне у себя в спальне, и отец сказал матери:

– Хватит с меня этого позора!

Немного погодя я расслышал ее слова:

– Ну что ж, всё очень просто: если ты умрешь, я покончу с собой.

68

Рассказав об этом эпизоде, L. задумчиво добавил:

– По крайней мере, у меня остается мой порок – единственное, ради чего стоит терпеть всё это презрение.

С тех пор, как я стал замечать, что другие его не скрывают, он сделался мне отвратителен – мой порок, который прежде я любил больше всего на свете, который был для меня вся моя жизнь. Отсутствие такта со стороны тех, кто также его практиковал, назойливые напоминания о нем даже в мелочах, некоторые забавные деформации внешнего облика, сформированные им, – всё это заставляло меня краснеть, как набожных людей – поступки профанов или святотатцев.

Все трудно делать хорошо, но в особенности – творить Зло.

Благородство обязывает. Низость – тем более.

Но, в сущности, ничто не может выбить у меня почву из-под ног, и мне это нравится, так же

как некоторые спонтанные поступки, в которых красота смешивается с ужасом, – они могут взволновать меня настолько, что я мгновенно становлюсь безразличен ко всему остальному, даже спасению собственной души – ибо если я превратился в язычника, рожден я был христианином и всегда об этом помню.

69

Если обладаешь мужеством, то легче умереть, чем переносить некоторые ситуации тесного соседства (с Уродством, например), которое есть хлеб насущный для общепризнанной порядочности, – но аморальность не означает отсутствия этики, напротив, отличается гораздо большей бдительностью и строгостью.

«Ваша роль плачевна», – написала мадам Ментенон одной религиозной деятельнице, чьим основным занятием было читать наставления.

Позволить своему пороку лишить себя невинности очень просто, и, напротив, нужны героические усилия, чтобы ему противостоять: дойти до этой последней крайности – не означает ли недооценить источник собственной жизненной силы, дарующий нам возможность постоянного омоложения? Тому, кто открыто живет со своим желанием, избегая как полностью подчиняться ему, так и противоречить, я протягиваю руку. Когда точно знаешь, как должно поступать и насколько далеко поз-

волено заходить, стоит подавлять инстинкт не столько силой, сколько обольщением – скорее ради того, чтобы удовлетворить свою собственную потребность, чем ради исполнения какого-то закона; нужно соблюдать благородную меру даже в неумеренности.

70 Удовольствие – всеобщий камень преткновения. Вы возвышаете его, или оно принижает вас. То, что я делаю из него, и то, что я обещаю ему сделать из себя, наглядно характеризует меня – бесчестит или прославляет, осуждает или оправдывает, губит или спасает.

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ

Мне рассказывали, что, когда я был еще совсем мал, мой отец (Генрих IV тоже рассказывал нечто подобное своим детям), едва лишь увидев меня, только что выкупанного, вынужденного из ванны и уложенного на колени матери или кормилицы, совсем голого, опускался передо мной на колени и начинал целовать меня повсюду. Когда его губы и усы задевали некие тайные места, я не выдерживал этой щекотки и принимался хохотать – долгим, безостановочным, конвульсивным смехом, впадая в конце концов в состояние, близкое к трансу, лихорадочной одержимости, исступленной радости, которое очень забавляло всех, кто нас окружал – в этой прелюдии будущих волнений их бесстыдная наивность не позволяла им увидеть ничего подозрительного. Уже тогда пробивались наружу скрытые подземные источники будущего Нила наслаждения – и я приветствовал их, открывая их в себе, еще не зная, что они такое, но безошибочно угадывая их природу.

Даже сегодня ничто не способно взволновать меня сильнее, чем воспоминание, сохранив-

шее первозданную остроту и новизну, свободное от всяких угрызений совести, – о том, как в годы моего отрочества один мой приятель украдкой приближался ко мне во время школьных перемен и приглушенным голосом предлагал мне божественное развлечение – так воспринимались нами тогда наши первые взаимные ласки. «Хочешь, сегодня вечером я приду к тебе развлекаться?» Это была магическая формула, за которой следовало невероятное освобождение, занимавшее наше воображение так же, как наши тела, глаза и руки.

Порой спустя много лет я встречаю тех, кто разделял со мной эти «игры», – и оказывается, что давнее волшебство нисколько не разрушилось. Я быстро замечаю, что мы сохранили магически притягивающие воспоминания о том, что некогда между нами происходило. Едва узнав меня, они забывают обо всем – о своих женах, о своих детях; при этом, разумеется, мы не говорим вслух всего, что думаем, но наши взгляды гораздо менее сдержаны, чем слова, и многое говорят о том, о чем мы вынуждены умалчивать. Этот триумф я предпочитаю всем остальным.

То «хорошее», что я им сделал, оказалось не забыто. В самом деле, на нашем наивном детском языке мы так и говорили: «Мне от этого хорошо. Ты мне делаешь хорошо. Сделай мне хорошо еще раз», – чтобы выразить свое удовольствие и поблагодарить того, кто его до-

ставил, или попросить его повторить. Вот самое простое, без всякого пафоса, самое точное, спонтанное и искреннее описание наслаждения, которое я знаю: «Мне от этого больно. Ты мне делаешь больно. Не делай мне больно». Удовольствие – благодеяние, добро, высшее благо.

Когда мы не знаем, что просто доставляем друг другу удовольствие, и думаем, что совершаем грех, то самые ужасные ощущения сочетаются с самыми восхитительными. Затем и те, и другие постепенно притупляются.

73

Бог читает историю наших «грехов» не нашими глазами, не с нашими предубеждениями, но как грандиозную или неудачную эпопею, отчасти свою, поскольку задумал ее героев и ее сюжет и расписал постановку – по крайней мере, самые важные сцены.

Каждый из нас хранит воспоминания о многих вещах, о которых никогда не расскажет, даже себе. Он улавливается сам с собой, что границы его памяти проходят здесь или там, а если что-то осталось по ту сторону, воспоминание об этом не вызывает никаких чувств и вообще не опознается как свое, истинное, аутентичное; он не подтверждает его подлинность, признавая лишь то, что принадлежит ему по договору. Сколько удовольствия доставлял мне спуск в потайные глубины души *M., C., S!* Всё, что они когда-то совер-

шили, полюбили, пережили, теперь казалось им фальшивкой. Раз и навсегда они начертали на маленькой дверце, за которой скрывалась реальность: «Вход воспрещен». И хотя их воспоминания время от времени приходили к ним, пусть даже без разрешения, тайно, со взломом, в масках и перчатках, как осторожные грабители, или же под красными этикетками с надписью «Яд, опасно для жизни», — те не узнавали их, делая вид, что не замечают их присутствия. Спокойствие превыше всего. Мало кто отважится нарушить запрет, поднять покров над этими внутренними безднами. Итак, решено: мы — добродетельные существа, ничто не омрачает наш покой; нам как будто неизвестно, что Святость притягивает Ад гораздо сильнее, чем заурядность, — словно чем больше у тебя жизненных сил и амбиций, тем меньше ты подвержен странным, необычным, по-особому волнующим искушениям.

С тринадцати до семнадцати лет я обычно проводил время в своей маленькой комнате, окно которой выходило на задний двор мясницкой моего отца. И там два раза в неделю я наблюдал с подоконника за молодыми работниками, которые обрабатывали разделанные мясные туши — очищали, обжигали, отбивали.

Разумеется, их разговоры меньше всего напоминали беседы ангелов, а выражения не имели ничего общего с благоговейными

молитвами – так что порой мне приходилось затыкать уши.

В то же время нельзя сказать, чтобы их речи были грубыми – они были пронизаны чувственностью самой высокой пробы, одинаково чуждой как игривой двусмысленности, так и откровенной непристойности. Особенно мне запомнилась одна история, из тех, что они рассказывали друг другу, которая меня абсолютно потрясла. В ней шла речь об одном человеке, который предстал перед судом в Шамбон-сюр-Вуэйз за то, что отымел козу. Их искренний хохот, воодушевление, с которым они описывали место и обстоятельства происшествия, изображая в лицах бедное животное, явно смущенное пылкостью чувств своего нежданного возлюбленного, и его самого, – всё это невероятно взволновало меня, до предела распалило мое воображение, обострило все мои чувства и помогло кое-что понять как в искушениях святого Антония, так и в метаморфозах Юпитера.

75

Козочка

Это было накануне Пасхи.

Все мальчишки деревни явились на исповедь. Царила благоговейная тишина.

Кюре задернул занавеску в исповедальне. «Отец мой, я согрешил...» – «Ну что ж, дитя мое. Ты небрежно молился, таскал сладости? Больше ничего?» – «Ах, если бы, отец мой!

но я даже не знаю, как сказать...» – «Смелее, дитя мое. Нужно признаваться во всех своих прегрешениях. Расскажи, в чем дело, и я сумею тебя понять». – «Отец мой, мне страшно в этом признаться». – «Как так? Ты ведь не боялся согрешить, а теперь боишься признаться в этом перед лицом Господа нашего? Я не в счет». – «Ну хорошо... Вот что было, святой отец: я отымел Козочку». – «Это очень стыдный поступок, дитя мое. Древние иудеи считали его страшным грехом и карали самым жестоким образом. Однако нынешний закон более снисходителен. Ты обещаешь, что больше не будешь этого делать?» – «Не буду, святой отец!»

Затем вошел следующий. «Отец мой, я согрешил. Я часто забывал молиться по утрам и два раза пропустил мессу». – «Это всё? Может быть, ты к тому же лгал?» – «Нет, отец мой, но я сделал кое-что похуже». – «Что же?» – «Отец мой, я не могу...» – «Нет-нет, ты не должен ничего скрывать. Ну же, смелее!» – «Ну хорошо... Отец мой, я отымел Козочку».

То же самое повторилось и с третьим, и с четвертым, и так далее вплоть до тринадцатого – все по очереди признавались в одном и том же несомненно греховном деянии. Но тринадцатый каялся лишь в мелких грешках и упорно не желал признавать за собой ничего более серьезного. Священник продолжал настойчивые расспросы, но ответом было по-прежнему «Нет». «Итак, ты не делал ничего

другого?» – «Да нет же, нет, святой отец!» – «Ну что ж, дитя мое, тогда вместе вознесем хвалу Господу за ту милость, которую он тебе оказал, – среди всеобщего разложения позволил тебе сохранить чистое сердце. Я уже готов был поверить, что мой приход проклят, но присутствие хотя бы одного невинного, каков ты есть, способно отвести от нас гнев Божий. Чтобы ты убедился, как сильно меня порадовал, ты пойдешь сейчас со мной в ризницу, и я подарю тебе образ Пресвятой Девы».

77

И он действительно принес ребенку заслуженную награду, но перед тем, как вручить ее, попросил:

– Назови же мне свое имя, мой славный мальчуган.

– Друзья называют меня Козочка, господин кюре.

* * *

Тот, кто не избежал греха,
зачастую обвинялся в нем раньше,
чем поддался его искушениям.

Сен-Бёв

Его звали Гастон. Этаким Геркулес в отрочестве: высокий, черноволосый, светлокожий, с глазами навывкате, толстыми негри-тянскими губами и приплюснутым носом, широким и коротким. От его облика веяло столь несокрушимым здоровьем, что, каза-

лось, он мог бы исцелять больных и воскрешать мертвых одним своим присутствием, своим волшебным сиянием – в нем и правда было что-то солнечное. Его улыбка сверкала целый день, озаряя всё, к чему он приближался. Однако невозможно было взглянуть на него без того, чтобы между ним и вами сразу же не установилось некое тайное сообщничество, какой-то совместный замысел, возможно, и ясный для него, но непонятный для вас – вы могли о нем только догадываться. Как было ответить на это невысказанное приглашение, чтобы получилось не слишком серьезно и в то же время без иронии?

Ах, сколь целомудрен я был в ту пору! Само воплощенное целомудрие. Постоянно занятый какими-то умозрительными построениями, философскими или мистическими, я пребывал в эмоциональном напряжении, как и весь мой родной город, земля крови и огня, и в полной изоляции: мои друзья и родственники разъехались, мои родители были на ножах – и никоим образом у меня не могло возникнуть ни малейшего дурного намерения.

Тем не менее, этот Гастон, буквально впитывающий в себя порок отовсюду и столь же уверенный в своей неотразимости, как и в моей уязвимости, не прекращал своих уловок – он то и дело бросал на меня дразнящие взгляды, еще более красноречивые, чем если бы прямо сказал: «Ну давай, признайся начистоту. Ты меня хочешь. Тебе не терпит-

ся меня потрогать, но мой виноград растет в нижних кварталах этого мира, слишком далеко, чтобы ты осмелился туда спуститься и его отведать».

Ну разумеется – что еще могли означать его выражение лица, все его повадки? И вот что случилось вслед за тем: однажды утром я вернулся из церкви. Было около семи, стояла ранняя весна. Дом был пуст. Я зашел на кухню выпить свой кофе с молоком и увидел там Гастона, который уже пил свой, стоя у комода. Я наклонился, чтобы открыть нижнюю дверцу (за которой стояли банки с вареньем и сахар) – и в тот момент, когда мое лицо оказалось на уровне его ширинки (Бог свидетель, я пребывал в абсолютном неведении о том, как это движение могло быть истолковано) – мой Гастон резко отшатнулся, потом одним прыжком, словно дикий кот, выскочил из кухни и через магазин бросился на улицу.

Его кофе с молоком до сих пор дымится на комодке.

УДОВОЛЬСТВИЕ И ДОБРОТА

80 Бог любит одно из своих творений, и я тоже его люблю – так как же я могу, сделав из объекта Его любви объект своей, прогневать Его?

В глубине души я прекрасно сознаю: ничто человеческое меня не удовлетворит. Сможет ли это сделать некогда увиденное мельком Совершенство? Осенит ли оно их лица (лица моих возлюбленных) знаком божественной любви? Быть может, когда-нибудь в одном из них я обрету Небеса.

Принимая всё, ничего не отвергаешь.

Поскольку христианства больше в любви, какой бы она ни была, чем в отсутствии любви; поскольку милосердие несет в себе больше от истинной сути христианства, нежели чистота, – христианином можно оставаться даже в разврате, если сохранять милосердие; напротив, ожесточившись сердцем, утрачиваешь вместе с милосердием и чистоту. «Чистота без милосердия ведет в самые глубины ада».

Во мне растет убеждение, что люди, наиболее склонные к удовольствию, менее злы, менее способны ненавидеть.

О, язвительность, неизбежное следствие подавленных желаний!

В сущности, наше благонаравие не так значимо, как определенный взгляд на человека: если вы без всяких усилий, естественным образом, признаете, что у любого, первого и последнего встречного, каким бы плачевным не было его физическое состояние и как бы велика не была глубина его морального падения, есть «душа», как и у вас, – иначе говоря, то же самое величайшее достоинство и то же предназначение, стократ более важное, чем начало и конец мира во времени, пространстве и вечности, чем Рай и Ад, – то вы христианин.

81

Во владениях сладострастия нет границ, нет друзей и врагов; это край искренний и пылкий, где никогда не будет места ни осуждению, ни ненависти.

Любое действие, которое совершается с почтением, не исключает благородства, обрамлено изысканностью, – достойное действие. Оно не способно запятнать честь того, кто его совершил. То же относится к любому чувству, которое проявляется во всей полноте, – даже если оно оскорбляет и разрушает установки современной ему морали.

Бог, который создал всё, вплоть до причин наших заблуждений, возможно, меньше удивляется глубине, чем заурядности наших проступков.

82 Та похвальная настойчивость, которую мы проявляем в некоторых заурядных ситуациях, выглядела бы позорной и унижительной, если бы нам позволено было предпочесть наилучшее.

Наши поступки – ничто; важна лишь пылкость чувств, которыми они сопровождаются, воодушевление, которым они увенчаны – как в тех трагедиях, где преступление преобразуется в доблесть.

УДОВОЛЬСТВИЕ И ВОЗРАСТ

Со временем я убеждаюсь, что всё в Природе создано лишь для Молодости. Но участь старика по-прежнему прекрасна, если он не столько примиряется с ней, сколько ощущает ее как благо. 83

Что самое трогательное и одновременно божественное в Молодости – ее слабость и эфемерность: она не знает границ своей силы и отпущенного ей срока, отчего уверена в их бесконечности; эти заблуждения проходят только вместе с ней. Превосходство зрелого человека в том, что с возрастом он мало-помалу узнает себя лучше.

Начиная с определенного момента, мы больше не любим никого и ничего. У нас слишком мало иллюзий по поводу тех, кого мы обнимаем. Мы меняемся.

Однако любовь и удовольствие одарили нас достаточно (иначе мы все равно что и не жили) для того, чтобы их отблагодарить. Мы продолжаем отдаваться, хотя это всего

лишь миметизм: мы имитируем самих себя, не в силах от себя отказаться.

84

Тем хуже для тех, у кого воспоминания о былых наслаждениях вызывают печаль. Сожаления или угрызения совести не вызывают ничего, кроме душевной боли и внутреннего разлада. Все удовольствия, которые мы испытали в жизни, увековечены в нас, поскольку мы сумели сделать их незабываемыми. Ничто и никто не отнимет их у нас, кроме смерти. Да и потом, как знать? Воспоминание – вечное и неотчуждаемое настоящее, память – реальное присутствие. Настоящее проходит, становится прошлым, прошлое пребывает во веки веков.

Совершенно естественно, мало-помалу, желание угасает во мне – прежде всего потому, что мой взгляд устремлен в землю. Когда-то лицо каждого встречного светило мне, как путеводная звезда, и обжигало, как пламя. Сегодня я едва их замечаю. И так, они оставили меня в покое. Я на них за это не сержусь.

Когда начинаешь подозревать, что у тебя уже не такое свежее дыхание, – никакой иной довод не докажет с большей убедительностью, что пора отказаться от удовольствий. И точно так же старость постепенно склоняет нас к тому, чтобы любоваться красотой издалека.

Старая, я начинаю испытывать недоверие к своему телу и лицу. Всё во мне кажется мне подозрительным. Я отношусь к удовольствию с достаточным почтением, чтобы отказаться от него прежде, чем я полностью утрачу привлекательность. Это элементарная мудрость. Никто не выставляет себя напоказ, превратившись в развалину, вызывающую ужас и отвращение, тогда как речь идет о том, чтобы продолжать нравиться, сохраняя при этом всю полноту достоинства – и как уважать свои былые удовольствия, когда видишь, что нынешние превращаются в пародию на них?

85

Даже приближение смерти не будет столь болезненно для меня, если я буду знать, что укрепил своим примером немало живых, из уважения к себе в той же степени, что и к ним.

С того момента, как я потеряю право на удовольствие, я словно облачусь в свой личный траур, который буду носить без всякой скорби.

**ИЗДАТЕЛЬСТВА «KOLONNA PUBLICATIONS»
И «МИТИН ЖУРНАЛ» ПРЕДСТАВЛЯЮТ**

86

**МАРСЕЛЬ ЖУАНДО
ЗАТЕРЯННЫЕ СТРАНИЦЫ**

Николай Бердяев, назвавший Марселя Жуандо «самым замечательным и глубокомысленным писателем современной Франции», не подозревал, что наряду с принесшими ему славу книгами о провинциальных нравах, богоискательстве и супружеских отношениях, Жуандо пишет и другие вещи: о великолепии мужских борделей. «Затерянные страницы» – последняя книга из цикла «тайных сочинений» Жуандо – была опубликована после смерти автора.

**МАРСЕЛЬ ЖУАНДО
ХРОНИКА СТРАСТИ**

В 1938 году Марсель Жуандо, не раз выступавший в печати с антисемитскими статьями, страстно влюбился в еврея Жака Штеттинера. Элиза Жуандо пыталась зарезать любовника своего мужа. Эту историю Жуандо рассказал в книге «Хроника страсти», вышедшей в 1944 году приватным тиражом.

**ИЗДАТЕЛЬСТВА «KOLONNA PUBLICATIONS»
И «МИТИН ЖУРНАЛ» ПРЕДСТАВЛЯЮТ**

**МАРСЕЛЬ ЖУАНДО
О МОЕМ ПАДЕНИИ**

87

Книга «О моем падении» была опубликована за несколько месяцев до начала Второй мировой войны. Однако посвящена она внутренним сражениям – с искушениями столь сильными, что перед ними невозможно устоять. Душа, в которой самые темные желания трутся боками, точно овцы в ночной глубине стойла, смиряется с неизбежностью греха и приказывает очертя голову броситься в неизведанное.

**МАРСЕЛЬ ЖУАНДО
ТАЙНЫЕ ПИСЬМЕНА**

Великие вещи, которые происходят во мне, – очень маленькие. Если бы о них узнали, меня задушили бы между двумя матрасами, как тех, кого покусала бешеная собака. Но до тех пор, пока только я один знаю о своем душевном смятении, я еще не полностью потерянный человек.

ИЗДАТЕЛЬСТВА «KOLONNA PUBLICATIONS»
И «МИТИН ЖУРНАЛ» ПРЕДСТАВЛЯЮТ

88

Тони ДЮВЕР
ОКОЛОТОК

Странные обычаи у жителей деревни, которую описывает Тони Дювер. Время им сообщает часочет, живодер жарит их пухлых детей, писатель сочиняет грязные анонимки, попрыгун лишает девственности женихов, судья предлагает преступления отсидевшим в тюрьме, паромщик подбадривает утопающих, а врач кастрирует бобров. Здесь трудятся подтирщик, теребильщик и птицевод, а ремесло философа достается калеке, живущему в свиарнике.

Тони ДЮВЕР
ВЫСЛАННЫЙ

беспокойные руки твердые члены выпрямляются вонзаются брызжут семенем единственная плоть которой мы делимся жидкая и белая как фарфор тела перекручены растоптаны раздавлены вытянуты продырявлены черты лица высосаны зажаты в кулак искромсаны раскочаны как шатуны и раздрочены до такой степени что хуй распускается кровавым цветком

**ИЗДАТЕЛЬСТВА «KOLONNA PUBLICATIONS»
И «МИТИН ЖУРНАЛ» ПРЕДСТАВЛЯЮТ**

**ЭРВЕ ГИБЕР
ПРИЧУДЫ АРТУРА**

89

Я хотел рассказать историю святого, живущего в наши дни и проходящего все этапы, ведущие к святости: распутство и жестокость, как у Юлиана Странноприимца, видения, явления, преобразования и в то же время подозрительная торговля зверями. В конце – одиночество, нищета и, наконец, стигматы, блаженство.

**Хуан Гойтисоло
ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ**

Образ репья, растоптанного сапогами российских солдат, сначала отправленных воевать в Чечню царем, потом Ельциным, потом Путиным – часто возникает в моей повести, я пишу об абсурдности и нескончаемости варварства. Зверства побеждают прогресс, в этом смысле в обществе немного меняется, а жестокости гражданской войны в Испании повторяются во всех войнах. Возможно, нас следует назвать бесчеловечной расой?

**ИЗДАТЕЛЬСТВА «KOLONNA PUBLICATIONS»
И «МИТИН ЖУРНАЛ» ПРЕДСТАВЛЯЮТ**

90

**ГЕРТРУДА СТАЙН
Q. E. D.**

Если крепко ухватиться за крапиву, не обожжешься. Жгучая боль наступает, когда ослабевают хватки. В разгар бедствия глубинные течения боли, раскаяния и тщетных сожалений погребены под руинами падающих зданий, и лишь когда руины начинают оседать, течения эти прорываются то тут, то там и наконец сливаются в неодолимый поток жестокой боли.

**ДЖЕЙМС ПАРДИ
Я – ИЛАЙДЖА ТРАШ**

Престарелая, но прекрасная наследница нефтяного состояния уговаривает истекающего кровью чернокожего юношу следить за объектом ее желаний – девяностолетним Илайджей Трашем, актером ослепительной красоты. Однако ветреный Илайджа любит только одно существо – своего немого правнука. Впервые на русском языке – сюрреалистический роман великого американского прозаика.

**ИЗДАТЕЛЬСТВА «KOLONNA PUBLICATIONS»
И «МИТИН ЖУРНАЛ» ПРЕДСТАВЛЯЮТ**

**Джослин Брук
ЗНАК ОБНАЖЕННОГО МЕЧА**

91

Конец 1940-х годов. Европа ждет новой мировой войны. Рейнард Лэнгриш, скромный банковский клерк, втягивается в таинственную систему военных учений и против своей воли становится бойцом непонятно с кем сражающейся армии. Его однополчане носят знак обнаженного меча на предплечье. Но началась ли война или это темные иррациональные силы испытывают рассудок героя? Первое русское издание романа классика английской литературы Джослина Брука (1908–1966) приурочено к столетию со дня рождения писателя.

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications»
можно приобрести в *Москве*:

«Фаланстер», Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Москва», ул. Тверская, д. 8
«Московский Дом Книги», ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус», Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5
«Индиго», ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Dodo», Таганская ул., д. 31/22

в *Санкт-Петербурге*:

«Порядок слов», Наб. Фонтанки, д. 15
«Все свободны», Наб. Мойки, д. 28, второй двор

через *Интернет*:

«Ozon» ozon.ru
«Книга» kniga.ru
«Esterum» esterum.ru
«Петропол» petropol.com
«Болеро» bolero.ru
«Чакона» chaconne.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на *Украине*:

«Либра» librabook.com.ua

По вопросу оптовых продаж
обращаться в ооо «Берроунз», тел. (495) 971-47-92
Национальный книжный дистрибьютор
«Книжный Клуб 36.6», тел. (495) 926-45-44
Все книги нашего издательства можно заказать
наложенным платежом в редакции на сайте mitin.com

Марсель Жуандо

ПОХВАЛА СЛАДОСТРАСТИЮ

КОЛОННА PUBLICATIONS

Россия, г. Тверь, улица Брагина, д. 6, офис 301
Подписано в печать 29.01.2014. Тираж 500 экз. Заказ № 0022
Формат 70×100/32. Объем 4 п. л. Гарнитура itc Charter
Печать offset-пауа. Бумага специальная, для черных букв
Отпечатано в множительном секторе «Дома-музея
неопровержимых доказательств гетеросексуальности
П. И. Чайковского» (программа «Демографический вызов
Славянской России»). 141600, Московская область, г. Клин,
переулок преподобномученика Акакия Афонского